

# Записки Мыютинскаго миссіонера за 1893 годъ.

---

По мѣрѣ того, какъ общество христіанъ въ Алтайской миссіи стало возрастать, у него стали появляться такія потребности, о которыхъ алтайцы до своего крещенія не имѣли понятія и даже относились съ пренебреженіемъ. Жизнь алтайцевъ раздвоилась: не-



крещенные живут по прежнему, а новокрещенные стали жить по новому.

До своего крещенія алтаецъ жилъ звѣринымъ образомъ. Жилище его—юрта. Это такое помѣщеніе, какое у другихъ, культурныхъ народовъ признается непригоднымъ даже для домашняго скота. Зимой въ ней страшно холодно; отъ постоянного дыма и несноснаго запаха хозяева этого помѣщенія обыкновенно рѣдко пользуются настоящимъ здоровьемъ; или глаза болятъ, или накожные болѣзни изнуряютъ. Въ пищу употребляется всякая падаля. Волкъ ли задушитъ скотину, или такъ она сама собою издохнетъ, трупъ этотъ никогда не пропадетъ даромъ. Не смотря на то, что мясо издохшей скотины сильно разложилось, или покрылось червями, алтаецъ не брезгуетъ и такимъ даровымъ кускомъ. Никакихъ овощей алтаецъ некрещенный не знаетъ, кромѣ дикаго лука и колбы, а изъ хлѣбныхъ растеній онъ знаетъ только одинъ ячмень. Посуда никогда не моется, а подойникъ вымыть считается даже за грѣхъ:—молока у коровъ не будетъ, если вымоешь, отъ этого покрывается посуда толстымъ слоемъ грязи, и въ ней заводятся черви. Впрочемъ когда хозяева не доглядятъ, то посуда очищается: этимъ дѣломъ въ Алтай занимаются голодные собаки. Дѣти и дѣтми и зимою ходятъ босвъ рубашекъ въ одной шубѣ, въ которой кишатъ мириады насѣкомыхъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни алтаецъ видитъ только одно разрушеніе. Чтобы накормить семью, дикарь убиваетъ дикихъ козловъ и другихъ животныхъ. Самый Богъ представляется алтайцу не милующимъ человѣка, а только карающимъ. Чтобы сколько нибудь освободиться отъ каръ мстительнаго бога, и преклонить его на милость, алтаецъ долженъ убивать свою скотину, да и не просто какъ нибудь убить, а задушить самымъ мучительнымъ образомъ, по всѣмъ правиламъ камскаго искусства. И все это видятъ дѣти. Какой урокъ они для себя получаютъ! Семейныя отношенія—алтайскихъ язычниковъ самая печальная. Женщина—раба своего мужа. Ея дѣло—вѣчно работать, иначе ее будетъ бить мужъ. „Калымъ за тебя заплатилъ,“—вотъ и объясненіе угнетеннаго положенія алтайки. И дровъ она припаси, и ячменю ватолки, и вина накури, и для пьянаго мужа осѣдай ковя, и пособи ему взобраться на лошадь, а когда онъ воротится



домой, сними его съ сѣдла, разсѣдай и уברי коня, и угощай своего хозяина, и исполняй всё его дикія прихоти. — Браки между алтайцами заключаются въ самыхъ близкихъ степеляхъ родства. Чтобы избавиться отъ калыма, часто бываетъ такъ, что племянница выходитъ за родного дядю. Отъ этого наследственные болѣзни не уничтожаются, а поддерживаются. Такая печальная жизнь алтайцевъ привела къ вымиранію ихъ племени. Стоитъ только раскрыть семейные списки алтайцевъ, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. Благодаря такимъ условіямъ жизни, дѣтей у алтайцевъ очень мало: всё они умираютъ въ младенчествѣ, будучи не въ силахъ бороться съ окружающею ихъ обстановкою. Юрта алтайца способствуетъ вымиранію особенно во время повальныхъ болѣзней, напр. кори, оспы, горячки и проч.

Неудивительно, что среди алтайцевъ находятся ревнители такой жизни, которые ревниво оберегаютъ ее отъ внесенія въ нее болѣе здоровыхъ условій. Этими ревнителями обыкновенно являются алтайскіе зайсаны и богатые калмыки.

Алтаецъ и теперь смѣется надъ цивилизованною жизнью, онъ считаетъ ее стѣсненіемъ для своей свободы. Приготовляй тамъ разныя вещи для дома, заботься о чистотѣ жилища, о пищѣ, одеждѣ и пр. На все это нашъ кочевникъ смотритъ по своему. Живя въ странѣ, гдѣ пропитаніе для невзыскательнаго желудка и вкуса достается почти даромъ, безъ большаго труда, будучи потомкомъ такого-же дѣнтяя, какъ онъ самъ, алтаецъ равнодушно смотритъ, если дѣти его ходятъ не одѣтыми, а семья живетъ временами впроголодь. Никакіе высшіе интересы не расшевелютъ неподвижную натуру нашего калмыка. У него только животныя потребности считаются заслуживающими вниманія. Дѣти его, какъ дикіе звѣрьки, растутъ, не видя никакого ученія. Въ жилищѣ алтайца — юртѣ только и свѣта, что въ дымовое отверстіе вверху, да отъ пылающаго костра. Въ своемъ удивленномъ жилищѣ алтаецъ съ юности видитъ, какъ орелъ хватаетъ и терзаетъ добычу, какъ волкъ или рысь загрызаетъ скотину, какъ отецъ вырываетъ сердце у живаго барана, — вмѣсто того, чтобы заколотъ его, — какъ камъ душитъ жертвенное животное. Такова дикая школа этой дикой жизни!



Послѣ этого неудивительно, что у насъ крестится мало калмыковъ, и становится понятнымъ, почему въ 60 лѣтъ это малочисленное племя не все обращено въ христіанство миссіею, при всемъ ея усердіи; становится понятнымъ, какихъ трудовъ стоятъ это обращеніе алтайцевъ, сколько хлопотъ и затратъ стоятъ перевоспитать этотъ народъ, поднять его выше и поставить на ряду съ господствующимъ племенемъ. Нашъ алтаецъ ни на какое дѣло не поднимается по собственной инициативѣ, а непременно требуетъ толчка извнѣ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ алтайцы были таковы, какими они очерчены выше; и между ними встрѣчаются исключительныя натуры, но большинство—таковы.

Для гнилаго дерева не много нужно времени, чтобы оно разсыпалось и уничтожилось. Тоже самое было бы съ алтайскимъ племенемъ, если бы живительные лучи христіанства и здоровыя струи русской народности не оживотворили этотъ вымирающій народъ. Алтаецъ послѣ крещенія точно перерождается; подъ руководствомъ своего духовнаго пастыря онъ годъ отъ года совершенствуется въ духовной жизни. Вмѣсто недѣлаго поклоненія горахъ, мѣсяцу и разнымъ духамъ и рабскаго страха передъ гнѣвнымъ божествомъ, онъ чувствуетъ миръ въ душѣ своей, онъ знаетъ, что у него одинъ, любящій всѣхъ Богъ—отецъ; онъ бодро смотритъ на міръ, не опасаясь равныхъ тѣкэрей, которые безъ воли Божіей не могутъ сдѣлать ему никакого зла; онъ знаетъ, что постоянно ходитъ передъ очами Божіими, увѣренъ, что ангелъ хранитель наставитъ его на добро и предохранитъ отъ зла. Алтаецъ-язычникъ, какъ звѣрь живетъ въ какой либо трущобѣ въ своей одиноко стоящей юртѣ, не слышитъ ни отъ кого добраго слова, не откуда ему позаимствоваться полезными свѣдѣніями. Заболѣетъ язычникъ, одно у него лѣченіе—камлавье, приносящее одно только раззореніе больному. Повокрещенный же при болѣзняхъ всегда находитъ дѣльный совѣтъ у своего миссіонера или врача, или миссіонерскаго фельдшера.

Насколько тягостныя чувства испытываются вѣропроповѣдникомъ при встрѣчахъ и собесѣдованіяхъ съ упорными язычниками, настолько, или еще болѣе, отрадно бываетъ у него на сердцѣ, когда



онъ посмотритъ на новокрещенныхъ. Трудями служащихъ въ миссіи, можно сказать, изъ камней сдѣланы чада Авраамовы. Вѣра Христова преобразуетъ алтайцевъ до неузнаваемости. Тѣ же люди дѣлаются другими при неслабомъ воздѣйствіи на нихъ миссіонеровъ и русскихъ людей. Посмотришь, и дивишься, откуда берется энергія у крещеннаго алтайца. Чуть не вчерашній вочевникъ, онъ строитъ себѣ домъ. Въ домѣ чисто, имѣется мебель, столъ покрытъ скатертью своего издѣлія, на стѣнахъ картины, на окнахъ банки съ цвѣтами. Дѣти учатся грамотѣ, отецъ—глава семьи, хотя и неграмотный, покупаетъ для дома иконы, для дѣтей книжки и непременно иллюстрированный календарь, для того, чтобы знать праздники. Около домика вскорѣ появляется амбарчикъ, навѣсъ. Для домашняго скота строится болѣе удобное помѣщеніе и заготавливается для зимы кормъ. Семья не голодаетъ, не питается однимъ ячменемъ, а ѣстъ печеный хлѣбъ. Появляется за столомъ новокрещенныхъ и картофель, и капуста, и огурцы, и другія овощи. Является и расчетливость въ веденіи хозяйства: вмѣсто свѣчей появляется керосинъ; вмѣсто того, чтобы каждый день рубить дрова, топливо заготавливается въ одно время; вмѣсто того, чтобы когда сѣять, тогда и пахать, земля готовится заранѣе. Новокрещенные стали заниматься пчеловодствомъ и даже нѣкоторые изъ нихъ начали заводить усовершенствованные ульи. Среди новокрещенныхъ появились и разные ремесленники: плотники, столяры, сапожники и др.

Христіанинъ-алтаецъ живетъ въ христіанскомъ обществѣ. Чего онъ не знаетъ, можетъ спросить или увидать у сосѣда. Въ праздникъ онъ и семья его идутъ въ церковь, гдѣ слышатъ слово Божіе, послѣ обѣда идутъ въ школу на бесѣду, гдѣ можно услышать много полезнаго для души и тѣла. Дѣти новокрещеннаго не шатаются безъ дѣла; въ зимнее время они ходятъ въ школу, учатся грамотѣ, лѣтомъ—работаютъ на нашиѣ или на покосѣ; если своей работы нѣтъ,—нанимаются къ сосѣдямъ на подходящія работы.

Еще прекрасная черта у новокрещенныхъ: владѣя такимъ сокровищемъ, какова вѣра православная, наши новокрещенные,—когда бывають у язычниковъ, или язычники прѣзжаютъ къ нимъ, стара-



ются подѣлиться этимъ сокровищемъ съ своими некрещенными соплеменниками.

Такъ крестъ Христовъ, заблеставши на горахъ алтайскихъ, дальше и больше разгоняетъ тьму язычества, искореняетъ дикость и варварство, и, недалеко то время, когда и остатки язычества отъ этого лучезарнаго свѣта исчезнутъ.

Въ отчетномъ году говѣющихъ было болѣе, чѣмъ прежде, и число учениковъ въ нашихъ школахъ значительно увеличилось.

Великопостное служеніе особенно было тягостно для служащихъ, по разбросанности нашихъ прихожанъ и числу говѣвшихъ. Какъ это тяжело, я не буду говорить, а лучше послушаемъ, какъ отзывался основатель нашей миссіи, присвопамятный архимандритъ Макарій въ 1831 году объ этомъ трудѣ, когда ему пришлось служить, исповѣдывать и приобщать св. таинъ говѣвшихъ въ одномъ только Сайдынѣ. Вотъ слова его: „Теперь только случилось мнѣ испытать отчасти великихъ внутреннихъ и внешнихъ трудовъ исполненна должность приходскихъ священниковъ, коимой требуетъ силы духа, великаго навыка въ трезвеніи умомъ, коимой близости къ сердцу Іисуса Христа, коимого постоянства въ терпѣніи, коимой зрѣлости разсужденія и коимой при всемъ томъ крѣпости силъ тѣлесныхъ, и сколько неумѣренны, несправедливы многіе въ своихъ слишкомъ взыскательныхъ сужденіяхъ о немощахъ служителей церкви“.

Въ 1893 году крещено язычниковъ . . . . .	18 чел.
» крещено младенцевъ . . . . .	134 »
» повѣнчано браковъ . . . . .	22 »
» погребено покойниковъ . . . . .	56 »
» говѣвшихъ было . . . . .	1661 »
» училось въ школахъ . . . . .	125 »

По служебнымъ дѣламъ служащіе въ Мыютинскомъ отдѣленіи проѣхали 3939 верстъ.

За все прожитое члены Мыютинскаго стана могутъ сказать: «слава Богу, не напрасно мы ѣли церковный хлѣбъ».

Заканчивая свою записку, считаю долгомъ сказать о событіи, имѣющемъ значеніе не для одного Мыютинскаго отдѣленія, а для всей миссіи. Въ отчетномъ году миссіи пришлось разстаться съ своимъ



начальникомъ, преосвященнымъ Владиміромъ. Не смотря на то, что онъ начальствовалъ не долго, миссія долго его будетъ поминать. Въ кратковременное свое пребываніе въ Бійскѣ преосвященный Владиміръ снискалъ общую къ себѣ любовь. Объ этомъ свидѣлствуютъ его проводы изъ Бійска на новое мѣсто служенія.

Преемникомъ преосвященному Владиміру Святѣйшій Синодъ назначилъ одного изъ членовъ нашей же миссіи, о. архимандрита Мефодія. Мы увѣрены, что новый нашъ начальникъ, какъ вышедшій изъ нашего братства и прослужившій здѣсь болѣе 10 лѣтъ и, слѣдовательно, знакомый съ ходомъ миссіонерскаго дѣла, поведетъ ввѣренную ему миссію тѣмъ же путемъ, которымъ она шла при его предшественникахъ.

Миссіонеръ, прот. *В. Постниковъ.*

---